

За рубежом, — 1994, — 8-14 июля (№ 7) —

Мстислав Ростропович:

С. 15.

«Я остаюсь на Западе!»

Жак ДУСЛЭН

«ФИГАРО», ПАРИЖ.

ПОСЛЕ 18 лет изгнания и творчества в штате Вермонт Александр Солженицын возвращается в Россию. А его друг Мстислав Ростропович, лишенный советского гражданства лишь за то, что принял у себя на даче опального лауреата Нобелевской премии, оставляет Национальный симфонический оркестр в Вашингтоне, которым руководил в течение 17 лет, сделав его одним из лучших американских оркестров.

Может, и знаменитый музыкант тоже возвращается на родину? С этим вопросом мы обратились к самому маэстро, только что вернувшемуся из Сорбонны, где на торжественной церемонии ему было присвоено звание почетного доктора, и собирающемуся на репетицию «Военного реквиема» Бриттена, который будет исполняться под его руководством на Фестивале в Сен-Дени.

Если точность — вежливость королей, то Слава явно один из них! В точно назначенное время парадная дверь открывается. Громкий собачий лай возвещает о приближении хозяина, потом слышится голос мэтра, ожидающего меня со стаканом чая в руке. А ведь накануне, отмечая прием в Сорбонну, он поздно лег. Поясную разницу во времени Слава не признает, что, кстати, просто счастье для того, кто в течение года летает с одного континента на другой и у кого плотное расписание вплоть до 1997 года. «Расписание — это закон», — гордо заявляет он.

Не в характере этого приветливого, всегда улыбающегося человека опаздывать на репетицию. Он отправляется на нее заблаговременно, не торопясь, как если бы шел на работу. Но это не совсем подходящее слово, поскольку в нем есть что-то от принуждения. Оно предполагает также отпуск, каникулы, от чего Ростропович с возмущением отказывается. Даже если устал?

«Может быть, это нескромно, но когда от Бога дан талант, посвятить его служению музыке и людям — это долг. Конечно же, работаю я много, но это доставляет мне радость».

Пусть радость его будет больше, чем обещает расписание! Дружба — еще одна радость, причем единственная, которая может отвлечь его от работы. Перед ней Слава пасует. Он показывает мне письма, направленные ему четырьмя последними президентами Соединенных Штатов по случаю его отъезда из Вашингтона: «Впервые согласие объединило демократов и республиканцев!» Чувство юмора никогда не покидает его.

«Но больше всего меня тронули подарки, преподнесенные мне после прощального концерта участниками оркестра. Это напомнило мне Москву 18 лет назад, мой последний концерт там: все уже знали, что концерт последний, поскольку не пришел никто из представителей власти. И каждый оркестрант преподнес мне розу».

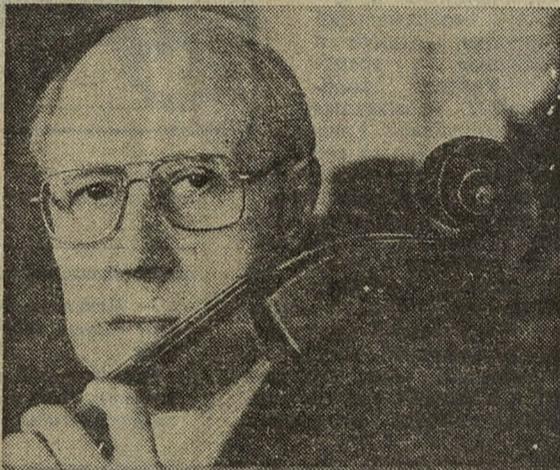
Не пробил ли час возвращения в Москву? Или это будет Санкт-Петербург? Но послушаем самого Ростроповича.

«Во многом символично, что срок моего контракта истек в то время, когда Солженицын вернулся на родину. Я очень рад его возвращению. Я боролся за это. Там он будет писать, выступать, критиковать в конце концов. На родине он принесет больше пользы своей стране. Я же музыкант и с наибольшей эффективностью могу действовать будучи за границей. Конечно, я часто приезжаю в Россию, и не только в случаях переворотов. Я только что выступал с концертом в Филармонии Санкт-Петербурга, выручка от которого пошла на финансирование строительства сотен жилых домов для офицеров Балтийского

флота. Я даже заложил первый камень здания на улице Пушкина в присутствии священника. И знаешь почему? 9 мая 1945 года — тогда мне было 18 лет и я был студентом — я встретил солдата, оставшегося в живых (а погибло двадцать миллионов), спасшего нас от фашизма. Я расцеловал его. Память — наш священный долг. Я думаю: нельзя оставлять в нищете людей, которые столько для нас сделали. Мы с Галиной уже собрали четыре миллиона долларов, предназначенных для оплаты лечения детей в больницах Москвы и Санкт-Петербурга».

Что касается положения в России, то оно его не особенно беспокоит: «Я верю в свою страну, так как люди, несмотря ни на какие трудности, не хотят возврата к прошлому».

Но Ростропович не уедет далеко. До 1997 года Слава будет сугубо европейцем. «В следующем году я начну готовить к постановке на сцене Венской оперы «Жезуальдо» Альфреда Шнитке, там же будет поставлен «Питер Граймс», в Санкт-Петербур-

ге — «Леди Макбет Мценского уезда», в Москве — «Хованщина», а затем в Стокгольме — «Лолита». Щедрина по роману Набокова».

Бриттен — любимый композитор Ростроповича. Как он с ним познакомился?

«С Беном я познакомился благодаря культурному обмену композиторов. В Лондоне я играл какую-то вещь Шостаковича, который и представил меня Бриттену. Бриттен написал для меня «Сонату». Так между нами завязалась большая дружба. Он был очень привязан также и к Шостаковичу. Когда из поездки на Запад я привез запись «Военного реквиема» Бриттена, Шостакович сказал мне: «Я прослушал его три раза подряд, это величайшее произведение духовной музыки XX века». Я тоже безумно люблю это произведение. Для меня большая честь дирижировать при его исполнении в Сен-Дени. Я мечтаю исполнить этот протест против войны вместе с участниками всех происходящих в мире кровавых конфликтов. Я уже сделал это в Москве вместе с армянами и азербайджанцами».

А Босния?

«Пока это слишком поздно или слишком рано. Ведь это значит подвергать опасности жизни участников концерта. Увы, сейчас эффективными могут быть иные средства».

Музыкант одновременно и идеалист, и прагматик. Он все больше и больше уделяет внимания своим молодым коллегам. Что это значит?

«Мне 67 лет, и я этим озабочен. Пришло время передавать эстафету. Я буду управлять молодежным оркестром Шлезвиг-Гольштейна и оркестром Европейского союза. Мои учителями были Прокофьев, Шостакович, Бриттен, Мессиа, Ландовски, Лютославский — композиторы, с которыми мне выпало счастье работать. Взять к примеру «Концерт» Дворжана: его секреты я постиг вовсе не в Московской консерватории, а тогда, когда играл его под управлением Вацлава Талиха, а тот, в свою очередь, работал над ним вместе с самим композитором. Я работаю вместе с Анри Дютийе и точно знаю, чего он хочет. Я считаю своим долгом передать другим то, чему он меня научил».

Мстислав Ростропович держит эстафету веков: от Листа и до наших дней.